

Знахарка — эпизод 1 из 5

...На завалине ветхой избы сухонький старик Мокеев, без рубахи, греет изношенную кожу свою на ярком солнце июня, чинит бредень крючковатыми пальцами. Под кожей старика жалобно торчат скобы ключиц, осторожно двигаются кости ребер.

День великолепен; честно работает солнце, отлично пахнет цветущая липа, в жарком воздухе тихая музыка: гудят пчелы; во дни косьбы они трудятся как будто особенно упорно.

Прохожий один сказывал, сипит Мокеев, дескать, человечье житье благо, и выходит так, что не одни господа, а всяк человек, хоша бы и мужик, тоже благородие. А мы говорим: благой, так это будет несуразен, буен, нехорошо, стало быть. У нас всё по-своему...

Он уже с полчаса упражняется в словесности, и его сиплое воркованье хорошо слито с тихим гулом пчел, с чириканьем воробьев, с песнями невидимых жаворонков. Из-за речки доносится звон кос, шарканье точильных лопаток, но все эти звуки не мешают слышать спокойную тишину синего, благоуханно чистого, очень высокого неба. Все вокруг по-русски просто и чудесно.

Князья-то, Голицыны-то, конечно князи; тут как хошь дрягайся, оно так и будет князи. Я и вначале внушал мужикам бросьте, али князей пересудишь? А Иваниха натравила их, мужиков. Здорово, Иваниха!

Неслышно подойдя, с нами поравнялась коренастая баба в темном сарафане, в синем платке на уродливо большой голове, с палкой в одной руке, с плотной, лыковой корзиной в другой; корзина полна пахучими травами, кореньями. С трудом приподняв тяжелую голову, баба глухо и сердито ответила:

Здравствуй-ко, болтун...

Ее грубое, мужское лицо, скуластое и темное, украшено седыми усами, исчерчено частой сетью мелких морщин, щеки ее обвисли, как у собаки.

Коровьи глаза мутны, красные жилки на белках делают взгляд ее угрюмым.

Пальцы левой руки непрерывно шевелятся, я слышу сухой шорох их кожи.

Указав на меня палкой, она спросила:

Это кто?

Мокеев стал многословно объяснять, что я приехал от адвоката, по делу деревни с князьями Голицыными, что в воскресенье будет мирской сход, не дослушав его, старуха осторожно склонила голову и дотронулась палкой до моего колена.

Зайди ко мне.

Куда?

Скажут. Через часок...

И пошла прочь, странно легко для ее возраста и тяжелого, неуклюжего тела. С той гордостью, с какой старики в деревнях рассказывают о своем, необыкновенном, Мокеев рассказал мне, что Иваниха знахарка, известная всему уезду:

Ты только не считай, что ведьма, нет, это у ней от бога! Ее и в Пензю возили, девицу лечить безногу, дак она безногу эту сразу замуж! И пошла ведь девица, пошла, братец мой. Дураки, говорит родителям ейным, детей, говорит, родите, а для чё, не знаете. А родители пребогатые фабриканты. Скота, человека, даже гуся, куру она всех лечит, ей все едино. В Нижний требовали: обмер там чей-то мальчик и лежит, недели две лежал, хоть в землю закопать. А она ему где-то иглой уколола, дак он к потолку взвился, мальчонко-то, ей за то двадцать пять рублей да шерстяное платье получи!